

Крейсер «Диана» в бою в Желтом море

Ливен А.А.

журнал Гангут № 36/2005

Предлагаемая вниманию наших читателей публикация составлена из отдельных выдержек изданной в 1907 году в С.-Петербурге книги «Донесение командира крейсера 1 ранга «Диана» о бое 28-го июля и о походе до Сайгона», подготовленной к печати А. А. Ливеном, командовавшим упомянутым кораблем во время Русско-японской войны 1904—1905 годов.

Светлейший князь Александр Александрович Ливен родился 7 июля 1860 года. В 1878 году, окончив Берлинский кадетский корпус, зачисляется в звании прапорщика в лейб-гвардии Семеновский полк. Спустя четыре года его откомандировывают в морское ведомство и после сдачи экзаменов в Морском корпусе в 1884 году производят в мичманы. В ходе дальнейшей службы ему присваивают чины лейтенанта (1888), капитана 2 ранга (1898), капитана 1 ранга (1905), контр-(1909) и вице-адмирала (1912).

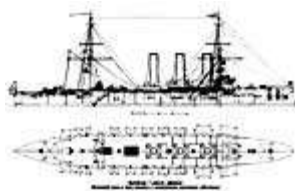
В 1887 году А. А. Ливен оканчивает Минный офицерский класс, а в 1898 году — Николаевскую морскую академию.

Первым кораблем, на который его в 1897 году назначают командиром, становится пароход «Ильмень». Затем он старший офицер минного крейсера «Воевода» (1897 и 1898) и эскадренного броненосца «Полтава» (1898—1901), командир миноносца «Касатка» (1901 и 1902), канонерской лодки «Бобр» (1902), крейсера II ранга «Разбойник» (1902—1904), крейсеров I ранга «Диана» (1904—1905) и «Память Азова» (1906). В 1908—1911 годах А. А. Ливен — начальник 1-й минной дивизии Балтийского моря, а с 1911 года и до своей кончины — начальник Морского генерального штаба; автор оригинальных работ о воспитании моряков.

А. А. Ливен скоропостижно скончался в полночь 22 февраля 1914 года в поезде около станции Удинэ, возвращаясь из отпуска из Венеции в С.-Петербург. Похоронен 4 марта в фамильном имени Вентен (недалеко от станции Церен, Курляндия).

Среди наград А. А. Ливена — ордена Св. Анны 3-й и 2-й ст. и мечи к последнему, Св. Станислава 2-й и 1-й ст., Св. Владимира 4-й ст. с бантом и 3-й ст.; медаль в память Русско-японской войны 1904—1905 гг.; золотое оружие — сабля с надписью «За храбрость».

При подготовке к публикации авторский текст прошел незначительную орфографическую правку с сохранением географических названий на момент описания событий.

Бронепалубный крейсер I-го ранга "Диана". Боковой вид и вид сверху с указанием секторов обстрела

27-го июля 1904 года крейсер «Диана»* стоял во входе в гавань Порт-Артура для охраны прохода, когда мною было получено секретное предписание приготовиться к выходу в море на следующее утро. [*Капитан 2 ранга А. А. Ливен принял крейсер «Диана» под свое командование 13 мая 1904 г. Прим. ред.] Цель похода не была упомянута. Крейсер был уже совсем готов, имея запасов на один месяц, боевые запасы полностью, угля полный запас за исключением расходуемых за последние дни 70 т, к погрузке каких сейчас же приступили, послав для этой цели баржу с людьми, к транспорту «Ангара». Орудий на крейсере не хватало: 2-х — 6-дюймовых** и 4-х — 75-мм, отданных на броненосец «Ретвизан». [**На корабле отсутствовала вторая пара носовых бортовых 6-дюймовых (152-мм) орудий. Прим. ред.] После обеда начальник отряда крейсеров контрадмирал [Н. К.] Рейценштейн собрал командиров своего отряда на [крейсере] «Аскольде» и объявил, что эскадра должна идти во Владивосток, ознакомил нас с минным заграждением у Владивостока, дал нам опознавательные сигналы на случай встречи с Владивостокской эскадрой и заявил, что командующий эскадрой [контр-адмирал В. К. Витгефт] решил в походе и в случае боя ограничиться наименьшим количеством сигналов, — пользуясь наипростейшим строем, так что, по его выражению, никаких сигналов не будет, а в случае осложнений адмирал полагается на сообразительность командиров.

Погрузка угля с «Ангара» шла крайне медленно, так как очень неудобно было доставать его из трюма парохода. Только поздно вечером привели баржу к крейсеру, а погрузку на крейсер кончили лишь около 6-ти утра, когда другие суда уже выходили. Это, впрочем, не задержало, так как «Диане» было назначено выходить последней.

<...>

По выходе броненосца «Полтава» эскадра и [тралящий] караван снялись с якоря и двинулись вперед. Крейсера «Паллада» и «Диана» уже не становились на якорь, а вступили прямо на свои места в общем строе кильватера в хвосте линии.

<...>

В 8 ч 50 мин, не доходя до Ляотишана, по сигналу приготовились к бою. На Ost видны японские крейсера «Ниссин», «Касуга», «Мацусима», «Ицукусима», броненосец «Тин-Эн» и несколько миноносцев. Вскоре нашел легкий туман и неприятель скрылся.

В 9 ч адмирал поднял сигнал: «Флот извещается, что государь император приказал идти во Владивосток».

<...>

10 ч 50 мин. Тралящий караван повернул обратно в Порт-Артур с лодками и с миноносцами 2-го отряда. Со стороны Порт-Артура туман, на SO яснее. Видны четыре неприятельских миноносца. Наш первый отряд миноносцев идет на правом траверзе флота, построеного в одну кильватерную колонну.

<...>

В 11ч 10 мин на SO 25° справа по носу показались броненосный крейсер «Якумо» и три крейсера неброненосных «Касаги», «Такасаго» и «Читосе». Курс их приблизительно на О, на пересечку нашему. Расстояние 110 кб.

В 11 ч 25 мин на О показалась неприятельская броненосная эскадра, держит курс на соединение со своими крейсерами. «Цесаревич» лег на SO 50° в промежуток между ними.

<...>

В 12 ч адмирал сделал сигнал: «Идти 12 узлов ходу 30°30', N. L 121°22', О». Миноносцы перешли на левый траверз. Неприятельская броненосная эскадра настолько сблизилась, что можно различать суда. Она состоит из броненосцев «Микаса», «Асахи», «Фуджи», «Сикисима», крейсеров «Ниссин» и «Касуга». На NO далеко видны «Мацусима», «Ицукусима», «Тин-Эн» и много миноносцев.

Крейсера, видя, что им не удастся соединиться со своими броненосцами, повернули обратно и обходят нашу эскадру за кормой. По дороге они остановили и осмотрели идущий за нашим флотом [госпитальный] пароход «Монголия». Около них 12 миноносцев. Наш строй сильно растянут.

12 ч 10 мин. Неприятель открыл огонь из крупного калибра на большое расстояние. Наши главные корабли отвечают.

<...>

12 ч 30 мин. Неприятельские броненосцы повернули «все вдруг» на обратный курс. «Цесаревич» склонился 5 R вправо.

12 ч 50 мин. Неприятель повернул обратно, опять «все вдруг», «Цесаревич» склонился на 7 R влево. Проходят контргалсами на расстояние 50—60 кб. Действуют больше одни крупные орудия.

1 ч 5 мин. Головной неприятельский броненосец поравнялся с нами, сделал два пристрелочных залпа из 6 орудий на 55 и на 52 кб. Второй залп лег хорошо. Открыл беглый огонь. Расстояние 48 кб. Неприятельские броненосцы начали склоняться вправо, чтобы охватить хвост нашей колонны, и вся броненосная эскадра сосредоточила весь огонь на наших крейсерах. Снаряды начинают очень часто падать вокруг крейсера. Чтобы выйти из этого положения, начал склоняться влево и прибавил ходу. За нами и «Паллада» сделала то же, а затем и «Аскольд», и «Новик». Таким образом перешли в строй пеленга на левый траверз наших броненосцев, где опять пошли в строе кильватера.

Во время этого маневра заметили падение снарядов в «Палладу» и в «Аскольд». В крейсер «Диана» не попали, только осколками, рвавшимися у борта снарядов, пробило сетки и ранило двух человек, которые после перевязки сейчас вернулись в строй.

<...>

1 ч 20 мин. Расстояние до неприятеля увеличилось настолько, что огонь прекратился. Его броненосцы повернули последовательно через N и легли на параллельный нам курс, так

что они очутились на нашей правой раковине на расстоянии около 80 кб до концевой корабля «Полтавы». Неприятельские крейсера подошли сначала к своим броненосцам, а затем перешли на нашу левую раковину. Наш строй — броненосцы в кильватерной колонне: «Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Полтава». На левом их траверзе в расстоянии 8 кб крейсера в кильватерной колонне: «Аскольд», «Новик», «Паллада», «Диана». Еще левее в кильватерной колонне 1-й отряд миноносцев.

1 ч 50 мин. Сигнал с «Цесаревича»: «Больше ходу». Держали 100 оборотов, около 15-ти уз. Таким ходом эскадра шла до вечера. <...>

2 ч. Головные броненосцы неприятеля сблизились с нашими концевыми на 60—70 кб и обмениваются редкими выстрелами. Неприятельские крейсера начали нагонять с левой стороны, видимо, желая взять нас в два огня, но «Полтава» открыла по ним огонь из 12" (305-мм. — Ред.) орудий. Они повернули вправо, присоединились к своим броненосцам и в 2 ч 50 мин вступили к ним в кильватер.

3ч. Расстояние между броненосцами 65кб. Огонь прекратился. Курс SO 45°. <...> 4 ч 45 мин. Броненосцы сблизились снова на 50 кб, и начался бой на параллельных курсах. Крейсера, следуя движению своего флагмана, увеличили расстояние до своих броненосцев до 26 кб. Неприятельские броненосцы и крейсера в общей кильватерной колонне шли немного позади наших броненосцев и к 5 ч 15 мин сблизились до 25—30 кб. Стреляют из всех орудий, огонь довольно частый. Отдельных выстрелов не слышать, стоит гул вроде барабанного боя.

Наблюдая за огнем, казалось, что меткость, судя по перелетам и недолетам с обеих сторон, приблизительно одинаковая, но японцы гораздо чаще стреляют. Во-первых, число орудий среднего калибра на наших судах меньше, во-вторых, и скорострельность их больше обнаруживается у японцев, нежели у нас. Неприятель сосредоточил весь свой огонь на адмиральские корабли «Цесаревич» и «Пересвет». Наши суда стреляют больше по противнику, находящемуся на их траверзе. «Полтава» сильно отстала и сражается одна с «Ниссин», «Касуга» и «Якумо». Легкие крейсера японцев не принимают участия, также и наши.

Попадания замечаются все больше в «Пересвет» и в «Цесаревич». Обоим несколько раз попадали в трубы, на «Пересвете» обе стеньги сбиты и, по-видимому, передняя башня не ворочается... Однако, наблюдая долгое время за стрельбой броненосца «Асахи», находящегося против нас, я заметил, что стреляют лишь орудия задней части каземата, из передней части ни разу не блеснуло. Вероятно, там все разрушено. В общем, на броненосцах повреждения со стороны мало заметны.

5 ч 45 мин. Ясно увидели попадание снаряда на передний мостик «Цесаревича». Показался огонь и дым. Вскоре после этого «Цесаревич» вдруг положил право на борт и вышел из строя. Он при этом так сильно накренился, что одну минуту думали, что с ним что-нибудь неладно, но он скоро выпрямился и пошел обратным курсом... Между тем «Цесаревич» вступил в промежутки между «Севастополем» и «Полтавой», где и продолжал идти старым курсом.

Через 10 мин, в 6 ч, «Цесаревич» опять вышел из строя и поднял сигнал: «Адмирал передает начальство», затем вернулся в строй, но сейчас же положил лево на борт и пошел прямо на неприятеля, затем опять повернул к нашим броненосцам. Произошло замешательство... Но «Ретвизан» продолжал идти старым курсом. Вышло нечто вроде строя фронта с курсом NW. Неприятель в это время начал склоняться влево и пошел к N,

обойдя нашу эскадру, отходящую к NW. Против него очутился один «Ретвизан». Наш броненосец производил чрезвычайно молодцеватое впечатление. Он продолжал идти на японцев, протянувшихся поперек его курса, и извергал невероятно сильный огонь с обоих бортов. Затем повернул и быстро догнал свои суда. Он, вероятно, много способствовал тому, что неприятель не мог приблизиться и воспользоваться временным замешательством, произошедшим в нашем флоте.

Между тем, когда броненосцы повернули, то крейсера последовали их примеру. Начальник отряда на «Аскольде» положил право на борт, за ним в кильватер «Новик» и «Паллада», я же, идя концевым, не мог продолжать идти в кильватер. Наши же броненосцы шли на нас. Поэтому повернул с «Аскольдом» «вдруг» на обратный курс. Обгоняя меня, «Аскольд» поднял сигнал «Вступить в кильватер», но сейчас же положил право на борт и описал полную циркуляцию навстречу нашим броненосцам, а затем лег параллельным с ними курсом. «Паллада» и «Диана», последовав за ним и имея гораздо большую циркуляцию, с трудом развернулись и легли [ему] в кильватер...

Наши броненосцы шли в неправильном строе на NW, имея крейсера с правой стороны. Эскадра была совершенно окружена неприятелем, поддерживающим все время огонь, а крейсера были между двух броненосных эскадр. Чтобы выйти из этого положения, «Аскольд», а за ним и мы, увеличили ход и вышли вперед, но этим мы очутились между нашими броненосцами и «Асамой», «Тин-Эном» и тремя крейсерами типа «Ицукусима». С этими судами завязалась очень жаркая перестрелка. Броненосцы шли прямо на них и открыли по ним огонь из носовых орудий, мы же, с «Аскольдом» во главе, проходили впереди броненосцев на левый их фланг и стреляли всем бортом. Ближайшее расстояние до «Асамы» было 38 кб, а до «Ицукусимы» — 25кб. Наш огонь был очень действителен. На одном из крейсеров типа «Ицукусима» сейчас же объявился пожар, в другого попало несколько снарядов сразу. Они повернули и ушли на N.

В это время, а именно в 6 ч 45 мин, в крейсер попал снаряд, как потом оказалось 18 см*, с «Ниссина» или «Касуги», ударил в стрелу Темперлея, лежащую на рельсе подачи на верхней палубе, разорвался и осколками взорвал 11 патронов двух 75-мм беседок около 15-го орудия. [*Опечатка или оговорка автора. Орудий калибра 180-мм в японском флоте не было.] Кусками разбитой стрелы Темперлея, осколками неприятельского и своих снарядов убиты мичман [Б. Г.] Кондратьев и 4 нижних чина, ранены тяжело 8 и легко 12. Сейчас же за этим снаряд крупного калибра ударил и разорвался в борту ниже ватерлинии между 102 и 100 шп. с правой стороны**. [**По данным акта осмотра корабля в Сайгоне, это был снаряд калибром 203-мм, который, к счастью, не разорвался.]

Три отделения коффердама между 98 и 101 шп. наполнились водой, и сквозь поврежденную (вероятно, взрывом) палубу над этими отделениями показалась вода в лазарете, аптеке и в канцелярии. Трюмные, находившиеся в этом месте, приняли сейчас же меры, поставили первые подпорки, чтобы укрепить палубу, а прибывшим на место трюмным механиком [младшим инженер-механиком В. А. Санниковым] и старшим офицером [капитаном 2 ранга В. И. Семеновым] с рабочим отделением палуба всех трех помещений была надежно подперта большим количеством подпор. Раненые из лазарета переведены в офицерские каюты.

Как уже было упомянуто, «Аскольд», а за ним и мы во время этого последнего боя переходили впереди броненосцев с правой их стороны на левую или, скорее, прорезали их строй все с тем, чтобы выйти из неловкого положения и не быть между броненосцами и неприятелем. При этом пришлось пройти очень близко около «Пересвета». На нем, как уже было сказано, обе стены были разрушены, передняя висела, верхняя рубка и мостик

разрушены и носовая башня, видимо, не вращалась, хотя он из нее по носу стрелял, когда неприятель приходил на прицел. При проходе старший штурман «Пересвета» крикнул нам, что просят дать дорогу, так как у них временно руль не действует.

Перешедши на левую сторону наших броненосцев, «Аскольд» поднял сигнал в 6 ч 50 мин «Быть в строе кильватера», а затем, в 7 ч, дал самый полный ход и поднял сигнал «Следовать за мной», пошел на S, видимо, на прорыв. За ним пошел «Новик» и «Диана»; «Паллада» осталась с правой стороны броненосцев. Но «Аскольд» и «Новик» имели такой ход, что я сейчас же отстал, и уже через 15 мин они в сопровождении еще нескольких миноносцев исчезли, и я остался один. Уже начало темнеть, но для прорыва одному было еще слишком светло, и я повернул обратно к эскадре.

Картина теперь была такая. Наши суда двигались приблизительно на NW. Впереди шел «Ретвизан», за ним «Победа», «Пересвет» и «Севастополь», позади отдельной группой, около 8 кб от первых, шли почти рядом «Паллада», «Цесаревич» и «Полтава». В промежутке между двумя группами «Диана» и при ней миноносец «Грозовой», который к вечеру присоединился к крейсеру, а затем так все время при нем и оставался. Еще три миноносца шли с передней группой броненосцев,

<...>

К S, по направлению, где скрылись «Аскольд» и «Новик», слышна частая стрельба. Вероятно, они уже атакованы миноносцами. Теперь явился вопрос: что делать дальше?

Наш флот, очевидно, пошел обратно в Порт-Артур. Наш начальник отряда поднял сигнал «Следовать за мной» и, очевидно, попытался прорваться сквозь окружавшего нас неприятеля к югу. По общему смыслу всех полученных еще в Порт-Артуре приказаний высшего начальства, флот вышел из Порт-Артура, главным образом, чтобы не попасть в руки неприятеля, в случае, если крепость не удержится. Все это вместе взятое привело к заключению, что крейсеру следует попытаться, хотя бы и одному, но вырваться на свободу. Это было очень рискованно и могло удасться только в том случае, если уход крейсера не будет замечен неприятельской эскадрой, так как при ходе его в 17,5, а в лучшем случае 18 уз, он бы никак не ушел от неприятельских крейсеров, если бы те думали за ним погнаться. В бою с ними «Диана» имела мало шансов, так как из ее и без того слабой артиллерии еще часть осталась в Порт-Артуре. Значит, главное было избегать гласности и уйти незаметно.

<...>

Ровно в 8 ч вечера «Ретвизан», идущий головным, вдруг повернул и пошел полным ходом к северу, открыв частый огонь. Очевидно, на него бросились миноносцы.

Еще было совсем темно, но медлить дальше нельзя было. Раз минная атака началась, то надо было уйти, а то потом незамеченным не уйдешь. Положил лево на борт, пересек нашу эскадру и пошел самым полным ходом на Ost. Выбрал я это направление потому, что там только что прошли неприятельские броненосцы и было мало вероятности, чтобы они повернули обратно. Крейсера же остались на SO, вероятно, заграждая путь к Шантунгу. Их надо было обогнуть. Я так и рассчитывал пройти на Ost, а затем повернуть к югу.

Не прошли мы и 10 мин, как слева по носу показались 4 миноносца. Они бросились в атаку и пустили мины, приблизительно позади левого траверза. Я положил лево на борт, а

затем право на борт. Один из миноносцев выстрелил из орудия. Ему ответили из кормового плутонга, но я сейчас же прекратил стрельбу, и так больше до утра ни одного выстрела не последовало (по данным А. А. Ливена, крейсер «Диана» за время боя произвел 115 выстрелов из 152-мм орудий и 74 — из 75-мм. — Ред.). Выпустив мины, миноносцы пустились за нами вдогонку, затем выходили на траверз и, вероятно, опять пускали мины... По тщательному обсуждению всего виденного и слышанного разными чинами крейсера, надо считать, что встретили всего 19 миноносцев, из которых только один прошел, не атаковав нас. Он, видимо, принял нас за своего. Идущих к крейсеру мин видели всего 8. Они или проходили под кормой, или догоняли крейсер и не догнали. Под носом ни одна не прошла... Когда миноносцы появлялись справа или слева, то я клал руль на борт от них, если же они были по носу, то шел прямо на них и пугал их тараном. Последнее лучше всего действовало. Они совсем терялись и выпускали мины безо всякого толка.

Некоторое время какие-то миноносцы шли за нами. Почти до 10 ч докладывали с юта, что видны миноносцы за кормой — то справа, то слева. После же 10 ч уже никого не видели. Должно быть, они отстали.

Миноносец «Грозовой» шел все время за нами. Он главным образом и передавал о присутствии и движениях неприятельских миноносцев за кормой. На него самого неприятель не обращал внимания. Он свободно с нами держался, и тот факт, что ему погода не мешала идти, и заставляет думать, что за нами гнались не эскадренные миноносцы, а номерные.

[Бронепалубный крейсер I-го ранга "Диана" в 1902 году](#)

[Бронепалубный крейсер I-го ранга "Диана"](#)

[Бронепалубный крейсер I-го ранга "Диана". Кормовой мостик](#)

11 ч. Увидели впереди правого траверза Шантунгский маяк... Продолжал идти полным ходом.

Машины все время действовали прекрасно. Они давали столько же оборотов, сколько на пробных испытаниях, и ни на минуту не отказывались. Ход около 17,5 уз. Больше и ожидать нельзя. Судно перегружено и водоизмещение его около 7000 т, сила машин 11 000 л.с. При таком отношении больше 17,5 уз никакое судно не давало.

2 ч ночи 29-го июля. Прошел в 16 милях от южного Шантунгского маяка. Курс S.

В 2 ч 45 мин переменял курс на SW 18°.

С рассветом на горизонте никого не оказалось. С нами один миноносец «Грозовой».

В 6 ч утра переменял курс на SW 1°.

8 ч утра. 35° 19', N, L 122°29' Ost. Уменьшил ход до 11 уз.

Возвращаясь к только что пережитому накануне бою, не могу не заметить, что впечатление, оставленное им, крайне тяжелое. Мы не сражались. Мы терпели бой. В продолжение нашей стоянки в Порт-Артуре было много заседаний флагманов и командиров, на которых обсуждался вопрос о действиях в случае выхода эскадры, но определенного ничего не было решено... Между тем всем было ясно, что неприятель сильнее нас. Перевес был на его стороне, во-первых, — в числе судов, еще гораздо более — в числе и калибре орудий и наконец, главным образом, в умении маневрировать и стрелять. Наш флот и до войны стоял в резерве, а с началом оной шесть месяцев простоял в гавани. Японцы же безостановочно были в море и все время практиковались. Уже при первом нашем выходе 10-го июня выяснилась трудность маневрировать с нашей непривычной к морю эскадрой... Так мы 28-го июля вышли и сразу же дали блестящее доказательство своего неумения управляться. Эскадра прошла не за тралами, а через середину собственного минного заграждения просто потому, что не сумели пройти мимо, хотя все прекрасно видели, что идут через заграждения. Затем сигнале «Цесаревича»: «Флот извещается, что государь император приказал идти во Владивосток». Более неудачного сигнала в данном случае трудно себе представить. Он был равносильен полному отказу от собственной инициативы. Выполнить этот сигнал буквально было очевидно невозможно. Для того чтобы идти во Владивосток, надо было сначала разбить неприятеля, преграждающего нам путь; для того же, чтобы выполнить приказание хотя бы отчасти, насколько оно могло казаться возможным, т. е. прорваться полностью или хотя бы с частью судов, не было принято никаких мер. Напротив, строй эскадры уже показывал, что к прорыву дело не клонится. Для этого нужен ход. А между тем самые тихоходные суда были в хвосте колонны. Всем известно, что, если эскадра хочет идти 14 уз, то хвостовые корабли должны иметь возможность давать 16, а то они отстанут.

<...>

...Надо было видеть, какая перемена настроения произошла, когда после томительного удручающего ожидания конца явно безвыходного положения судно отделилось от эскадры и бросилось сквозь окружающего нас неприятеля к свободному морю. Кругом неприятель, но впереди есть луч надежды, и все удвоили свои усилия. Машинная команда, простоявшая уже весь день бессменно на своих местах при чрезвычайной жаре и духоте, продержала всю ночь еще самый полный ход, не ослабевая ни на минуту, и в продолжение

1,5 часа имела даже на три оборота больше пробного испытания. Вся остальная команда, также простоявшая весь день на своих местах по боевой тревоге, продержалась еще и всю ночь, не проявляя ни малейшего признака усталости. Рулевые, сигнальщики, комендоры и все остальные, прогрузившие всю предыдущую ночь уголь, проработали 36 ч, не нуждаясь ни в одном слове подбодрения, напротив, всякий сам оказывал посильную помощь по бдительности и по управлению судном. Не будь такого всеобщего напряжения сил и в машине, и наверху, нам не отделаться было от приставших миноносцев и не увернуться от выпущенных мин. Но проявилась определенная цель впереди, и все оказалось возможным.

<...>

Выход нашей эскадры, как он совершился, является точной копией выхода адмирала [П.] Серверы из Сантьяго*. [*Имеется в виду бой у Сантьяго у берегов Кубы 3 июля 1898г. (нов.стиля) между американскими и испанскими кораблями во время Испано-американской войны 1898 г.] И причины, побудившие его, и обстоятельства, сопровождавшие его, и дух, или скорее упадок духа при выполнении, точно одни и те же. Если результат оказался не такой решительный, то это надо приписать более равномерным силам, а главное — замечательной стойкости и мужеству нашего личного состава.

Матрос Российского Императорского Флота с крейсера "Диана" со штатскими

В этом отношении у нас положительно лучшего желать невозможно. Поведение офицеров и команды от первого до последнего выше всякой похвалы. За все время боя я нигде не видел ни замешательства, ни суеты, ни нервности. Ни одному человеку не пришлось напоминать о возложенных на него обязанностях. Единственное отличие от мирного времени составляло значительно более тщательное и внимательное отношение к своему делу каждого отдельного лица. Самые молодые и в обыкновенное время мало расторопные матросы показывали пример добросовестности. В день боя, утром, все больные выписались из лазарета и вступили в строй. Все без исключения раненые, могущие держаться на ногах, после перевязки возвращались на свои места.

<... >

Итак, в 8 ч утра 29 июля очутился в Желтом море в широте 39° 19' N и долготе 122°29'

Ost, немного южнее параллели Циндао совершенно один в сопровождении лишь нашего верного спутника миноносца «Грозовой». Уменьшил ход и продолжал идти на юг по 11 уз, рассчитывая в этом безлюдном углу пройти до вечера без неудобных встреч.

Надо было немного осмотреться и решить, что можно предпринять дальше. В 9 ч 10 мин на ОНО появился «Новик», идущий на О. Делал ему позывные боевым фонарем, но без последствий. Тогда остановился и послал к нему «Грозового» узнать, какие его намерения и куда он идет.

В 10 ч 30 мин похоронили своих убитых. Остановкой воспользовались для осмотра пробоины. Хотел попытаться закрыть ее шведским пластырем, т. е. деревянным щитом с подушками, каких у нас было приготовлено несколько штук. Но она оказалась слишком большой, около 6 футов в длину и 4-х в ширину (соответственно около 1,83 и 1,22 м. — Ред.) с очень задранными краями. Такого большого щита не было, а макаровский пластырь тем более был неподходящ, особенно в виду того, что надо было иметь возможность дать полный ход. Пришлось оставить наружную часть как она была, только число подпор в палубах увеличили до 53-х и связали их как можно надежнее между собой, чтобы в случае сотрясения от перебоя или волны отдельные подпоры не могли упасть. Однако стрелять из кормовых орудий было все еще очень рискованно. При большом числе выстрелов вся система могла рухнуть.

<...>

В 12ч 10 мин «Грозовой» вернулся и подошел к крейсеру. Он доложил, что «Новик» пошел в Циндао за углем и что он оттуда пойдет крутом Японии во Владивосток. Командир «Новика» советовал мне делать то же самое, но это было для меня очень неподходящее дело. Можно было, наверное, рассчитывать быть заблокированным в Циндао японским флотом через несколько часов после прихода. Для «Новика» при его ходе это ничего не значило, но я был бы безнадежно заперт, чего я, во всяком случае, желал избежать.

<...>

Теперь предстояла задача попасть во Владивосток. Идти крутом Японии нечего думать с нашим запасом угля. Я полагал спуститься вдоль китайского берега к югу, продолжая идти, как шли. Затем пересечь Желтое море южнее Квельпарта и к вечеру 30 июля подойти к параллели этого острова перед Корейским проливом, затем пройти этот пролив полным ходом так, чтобы к рассвету уже миновать Цусиму, а от [острова] Дажелета уже идти экономическим ходом до Владивостока. Таким образом, можно было надеяться пройти незаметно. Но тут, к удивлению, также явился вопрос угольный. Уголь в Порт-Артуре долго лежал и довольно мелкий. Расход его сравнительно большой. Мы за предыдущие сутки полными ходами до 8 ч утра истратили 350 т. Оставалось 700. До 30 июля вечером надо было идти по 12 уз, имея пары во всех котлах. Прекратить пары в известном числе котлов нельзя при возможности встречи с неприятелем.

Итак, 29-го июля утром имелось в моем распоряжении из 700 т угля всего 400. Остальные надо было еще достать. Из них до Квельпарта требовалось расходувать 240 т. Оставалось для прорыва через Корейский пролив 200 т. Этого мало на сутки полного хода. Надо было заблаговременно пополнить запас из задних ям*. [* Как отмечал А. А.Ливен, перегрузка угля из запасных угольных ям могла производиться только через верхнюю палубу. Поэтому, работая только в дневное время, за три дня — 30 и 31 июля и 1 августа — удалось перегрузить лишь 260 т.] Если все время грузить уголь, то выходило так. 30

июля вечером из передних ям израсходовано 240 т, перегружено 160. Итого в передних ямах остается 360 т. 31 июля израсходовано к вечеру 300 т, перегружено, скажем, все 100, остается в передних ямах 160 т. Но для этого надо безостановочно грузить уголь вплоть до Дажелета. Случись малейшая встреча с неприятелем, остановись погрузка хотя на полчаса — и мы уже больше 10 уз дать не можем.

Итак, для прорыва во Владивосток надо было все время перегружать уголь, а, кроме того, при встрече с сильнейшим неприятелем и погоне я рисковал остаться в открытом море без угля, встреча же с каким-либо, хотя самым ничтожным неприятелем, помешавшим перегрузке угля, влекла за собою потерю скорости крейсера. Последнее обстоятельство особенно заставило меня отказаться от прорыва во Владивосток.

<...>

Итак, оставалось одно: идти на юг и постараться добраться до первого французского порта, достать угля и дойти до Сайгона, где можно починить пробойну в доке и где крейсер оставался свободным, так как туда нельзя ожидать прибытия неприятеля. Идти надо было также экономическим ходом под двумя машинами, но тут уже было очень мало вероятий встретить японцев.

<...>

Так как миноносца «Грозовой» с собой в Сайгон брать не мог, то и приказал ему идти в Циндао на соединение с «Новиком», но предупредил его, чтобы был осторожнее и чтобы лучше подходил к порту ночью, так как японские крейсера могли очень легко уже быть перед входом.

В 2 ч дня «Грозовой» ушел на NW. На О видны 3 парохода, идущие на N. Дал ход и пошел на юг по 15-ти уз, чтобы ночью пройти самое посещаемое место перед Шанхаем. Утром 30-го июля в 8 ч 50 мин были на траверзе островов Барреп. В 10 ч прекратил пары во всех котлах кроме десяти, разобшил среднюю машину и пошел по 10 уз на юг в Кван-чау-ван. Держась в 25 милях от маяков китайского берега, дошел благополучно до назначенного порта, не встретив по дороге никого.

<...>

3-го августа в 5 ч 40 мин вечера отдал якорь на внешнем рейде Кван-чау-вана к северу от Нан-чау. На другой день в 12 ч дня снялся с якоря и пошел с полной водой через бар вверх по реке... и в 3 ч 20 мин дня стали на якорь на рейде Кван-чау-ван. Застали крейсер «Паскаль». Отсалютовал нации.

Встреча была оказана самая дружественная. «Паскаль» принял нас громовыми криками «ура», и все, как власти, так и частные лица, старались наперерыв сделать все для них возможное, чтобы устроить нам все необходимое. Губернатор Альби при нашем появлении первым делом остановил все телеграфные сообщения, чтобы о нашем приходе никто не узнал.

<...>

В Кван-чау-ване угля не было, имелось лишь 250 т, оставленных в распоряжение администрации для нужд речной флотилии. Из них губернатор г. Альби уступил 80 т, чтобы можно было дойти до Хонгайских копей, так как у нас осталось всего 60 т. Кроме

того, Альби распорядился немедленной отправкой «Паскаля» в Хонгай, чтобы предупредить о нашем приходе и приготовить нам уголь.

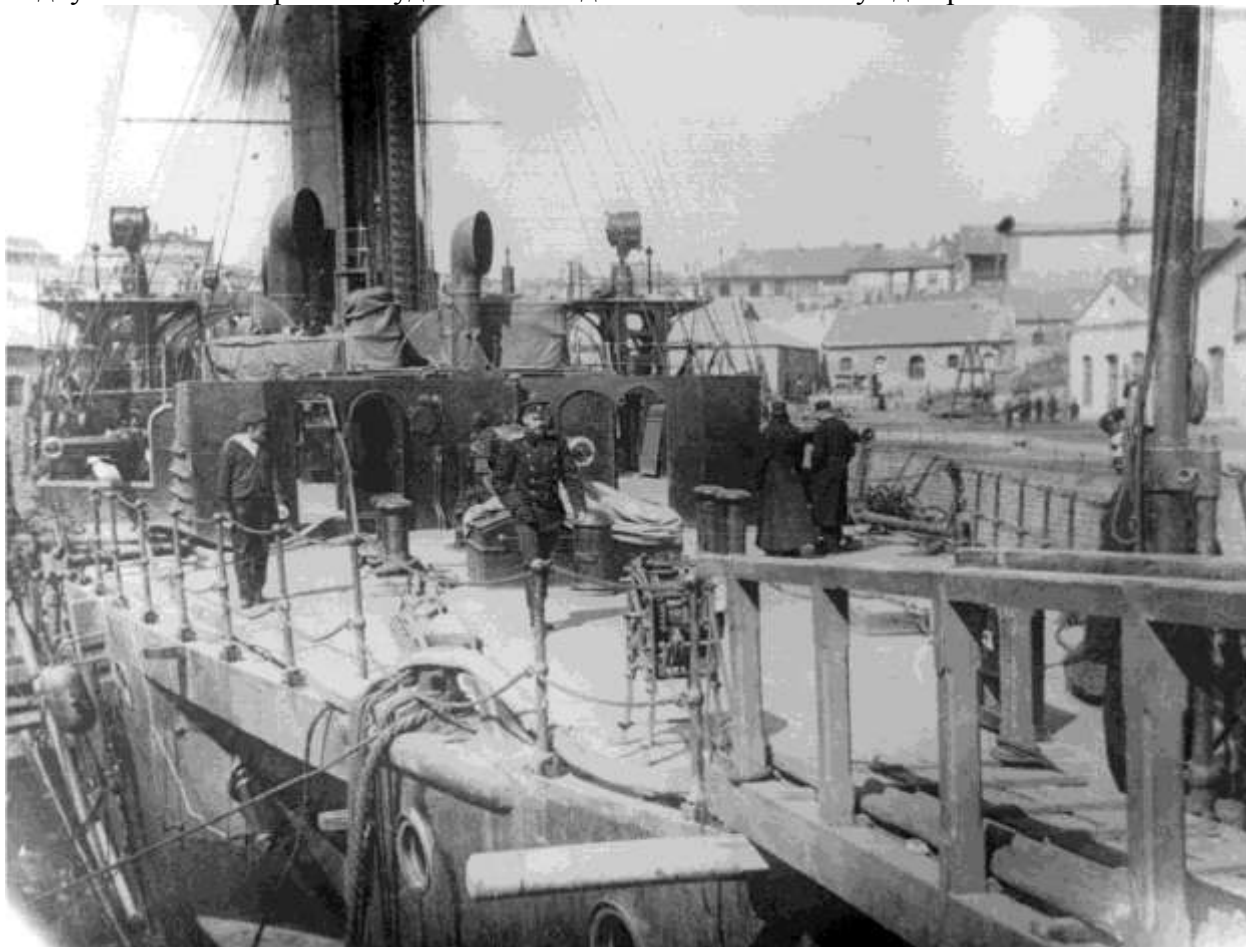
<...>

...5 августа с рассветом «Паскаль» вышел, и я на нем послал мичмана графа [А. Г.] Кейзерлинга подать телеграммы и приготовить уголь. К полудню погрузка на крейсере кончилась, и в 3 ч 20 мин снялся с якоря и пошел на внешний рейд, чтобы вечером иметь возможность выйти в море с тем расчетом, чтобы к рассвету быть у входа в Хайнанский пролив, куда нельзя входить ночью... Прошли Хайнанский пролив и Тонкинский залив при штиле и 7-го августа в 9 ч утра отдал якорь в бухте д'Алонг. На рейде уже стоял «Паскаль» и готовые к выгрузке шаланды с углем.

Все было подготовлено, мы немедленно приступили к погрузке угля, и 8-го августа вечером было погружено 1000 т, и мы были готовы к выходу.

<...>

8-го августа в 11 ч вышел и пошел 15-узловым ходом в Сайгон. Погода была тихая. 11-го августа в 9 ч 10 мин утра отдал якорь у капа Сан-Жак. Прибыл лоцман. В Сайгоне были предупреждены о нашем приходе и место было подготовлено, но пришлось ждать на якоре удобной воды до 12 ч дня... В 4 ч 45 мин дня 11-го августа ошвартовались у пристани выше дока и отсалютовали нации, на что получил ответ с «Шаторено». На рейде застал крейсер «Шаторено» под флагом контр-адмирала де Жонкиера, крейсер «Дассас», лодку «Стикс» и портовые суда. В тот же день был с визитом у адмирала.

[Бронепалубный крейсер I-го ранга "Диана" в Порт-Артуре](#)

© Подготовка к публикации Л. А. Кузнецова

От редакции. На этом участие крейсера «Диана» в Русско-японской войне завершилось. 22 августа 1904 г. А. А. Ливен получил от управляющего Морским министерством вице-адмирала Ф. К. Авелана следующую телеграмму: «Его императорское высочество генерал-адмирал приказал крейсеру «Диана» разоружиться теперь же согласно указаниям французских властей и спустить флаг». Это означало интернирование корабля до конца войны. Правда, ему разрешили войти 14 сентября в док для осмотра и устранения полученных в бою повреждений, из которого крейсер вышел 11 октября.